

Уровень и страх безработицы: есть ли между ними связь?¹

Гимпельсон В.Е., Ощепков А.Ю.

В данной работе изучаются эволюция и причины страха российских работников перед безработицей. Используя данные РМЭЗ, мы рассматриваем это явление в разные периоды времени: трансформационного кризиса (1994–1998 гг.), восстановления экономики (2000–2007 гг.), а также международного финансового кризиса (2008–2009 гг.). Для измерения страха безработицы мы используем два альтернативных показателя: первый отражает страх потерять работу, второй – страх не найти работу в случае увольнения. Оценивание порядковых пробит-моделей для обоих показателей показывает, что (при контроле характеристик работников и рабочих мест) связь между страхами и фактической безработицей практически отсутствует. Страх работников перед безработицей не связан не только с уровнем безработицы в регионе проживания, но и с уровнем безработицы среди людей, обладающих характеристиками, схожими с характеристиками респондентов. Выполненные симуляции показывают, что даже достаточно большие колебания в уровне фактической безработицы практически не оказывают влияния на страх безработицы. Эти результаты поднимают вопрос о природе страха безработицы в российском обществе.

Ключевые слова: страх безработицы; уровень безработицы; РМЭЗ; Россия.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Политическая экономия реформирования рынка труда», поддержанного Фондом Фольксвагена. А. Ощепков также отмечает финансовую поддержку академической мобильности, предоставленную Центром повышения квалификации НИУ ВШЭ. Авторы благодарны Э. Ершову, А. Зайцевой, Р. Капелюшникову, Х. Леману, М. Локшину, А. Лукьяновой, В. Магуну, Д. Трейсману за полезные комментарии.

Гимпельсон В.Е. – к.э.н., директор Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ. E-mail: vladim@hse.ru

Ощепков А.Ю. – к.э.н., научный сотрудник Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ. E-mail: aoshchepkov@hse.ru

Статья поступила в Редакцию в августе 2011 г.

Страх то окрыляет нам пятки... то, напротив,
пригвождает и сковывает нам ноги...

М. Монтень. *Опыты. Книга I, глава XVIII*

...Какова бы ни была истинная причина страха,
его трудно отключить после того, как он включен.

Эл Гор, *The Politics of Fear*

1. Введение

Страх – одна из наиболее сильных человеческих эмоций, влияющая на многие аспекты человеческой жизни. Широко известная поговорка «страх – плохой советчик» говорит о том, что поведение, провоцируемое чувством страха, может вести к неоптимальным результатам. «И впрямь, я наблюдал немало людей, становившихся неменяемыми под влиянием страха; впрочем, даже у наиболее уравновешенных страх, пока длится его приступ, может порождать ужасное ослепление», – писал М. Монтень в «Опытах» [10, с. 72].

Поскольку рынок труда допускает существование состояний, которые для людей чреватые болезненными потерями, то страх оказаться в них может быть естественным, распространенным и сильным чувством. Таким нежелательным состоянием, связанным с большими материальными, социальными и эмоциональными издержками, является потеря работы и, соответственно, безработица. Исследования последних лет показывают, что страх перед безработицей, испытываемый индивидом, влияет на различные аспекты его жизни. Он оказывает понижающее воздействие на заработную плату [13; 19; 20; 32], ограничивает потребление [18; 43], негативно влияет на здоровье [23], подавляет субъективное благополучие и осложняет взаимоотношения в семье [22], сказывается на политическом поведении людей [37].

Распространенность и интенсивность страхов, связанных с безработицей, в обществе имеет значение по нескольким причинам. Во-первых, выражая их, работники оценивают эффективность действующей системы *социальной защиты*, призванной обеспечивать определенный уровень защищенности. Если эта система эффективна, то даже высокая вероятность потери работы не должна у работников ассоциироваться с приближающимся «концом света».

Во-вторых, «страх» безработицы, учитывающий информационную асимметрию и формирующийся во многом под воздействием ненаблюдаемых факторов, может отражать *вероятность будущей безработицы* и тем самым выступать в качестве опережающего индикатора. Как мы знаем, ожидания людей во многом определяют их будущее поведение.

В-третьих, страхи часто используются политиками как *удобный инструмент манипулирования*. Запуганные люди готовы согласиться на ограничение свобод, и этим готовы воспользоваться склонные к авторитаризму политики. Однако и в демократических странах страх часто облегчает политикам достижение своих целей².

² Очевидным примером такого использования страха является борьба с терроризмом в США после 11 сентября (см.: Материалы конференции «Fear: Its Political Uses and Abuses» [26]). Аналогично страх использовался и в России после терактов в Москве или Беслане, когда люди легко отказывались от своих гражданских прав и свобод.

В-четвертых, распространенность страха безработицы среди работников стимулирует политиков к проявлению дополнительной «заботы» – к *усилению регулирования рынка труда*, включая ужесточение законодательства о защите занятости. Это в свою очередь может вести к сокращению числа защищенных рабочих мест (с бессрочными трудовыми контрактами в корпоративном секторе) и расширению сегмента незащищенных рабочих мест (с временными трудовыми контрактами или в неформальном секторе) и тем самым еще более усиливать ощущения страха потери работы. Возникает порочный круг, который затем трудно разорвать [24].

В-пятых, страх может служить и более частным интересам. Например, подогревая или поддерживая страх безработицы с помощью завышенных прогнозов, министерство, отвечающее за программы занятости и помощи безработным, может претендовать на выделение из бюджета дополнительных финансовых ресурсов и тем самым стремиться повысить свой административно-политический статус. Крупные предприятия также могут успешно играть на поддержании озабоченности как среди своих работников, так и среди высокопоставленных чиновников. Свои работники, опасаясь безработицы, легче соглашаются на сокращение заработной платы в той или иной форме. Правительство же, опасаясь социальных протестов (и, как следствие, падения рейтинга популярности), которыми грозят (как им кажется) массовые сокращения, готово предложить банкроту очередной спасательный круг. В итоге возможна двойная выгода, и опыт «спасения» АВТОВАЗа в кризисном 2009 г. это наглядно иллюстрирует³.

В то же время число исследований, посвященных страху безработицы, по-прежнему ограничено, и многие вопросы, касающиеся субъективного восприятия социальной защищенности на рынке труда, особенно в условиях переходной экономики, остаются пока без ответа. Например, нет полной ясности в том, как формируется страх безработицы. Является ли он константой (например, внутренней характеристикой личности, слабо меняющейся во времени и мало зависящей от внешних обстоятельств) или переменной величиной, отражающей текущую конъюнктуру на рынке труда? Какие группы работников более склонны к проявлению подобных эмоций? Какие факторы на это влияют? Наконец, какова связь между такого рода ожиданиями, с одной стороны, реальной ситуацией на рынке труда, с другой, и поведением людей, с третьей? И это лишь некоторые исследовательские вопросы, возникающие в связи с этой проблемой.

В фокусе данной работы находится лишь один из этих вопросов – мы анализируем связь между фактической безработицей и субъективным страхом безработицы. Есть ли она? Логично ожидать, что более высокий уровень безработицы транслируется в соответствующий страх, испытываемый индивидами, действующими на рынке труда. Многие исследования подтверждают наличие такой связи. Например, Шмидт [42] показывает, что в США динамика уровня страха тесно согласуется с динамикой уровня фактической безработицы на национальном уровне, и при этом рост безработицы на региональном уровне усиливает индивидуальные страхи. Авторы работы [31] обнаруживают положительное влияние региональной безработицы на

³ В сентябре 2009 г. АВТОВАЗ сообщил о намечающемся крупномасштабном сокращении персонала – примерно на 30%. Однако после немедленного вмешательства правительства оно было отменено, поскольку правительство испугалось социальных и политических последствий. Как сказал И. Шувалов, «мы не позволим АВТОВАЗу самому это решать» [см.: Ведомости. 2009. 9 октября].

страх перед безработицей в Великобритании, и даже небольшие изменения в безработице оказывают на страхи сильный эффект. Этот результат подтверждается в работе [32], дополнительно свидетельствующей о том, что прошлый личный опыт безработицы усиливает текущий страх перед безработицей.

Однако есть серьезные основания полагать, что на российском рынке труда связь между фактической безработицей и индивидуальным страхом перед ней может быть нарушена. С 1998 по 2000 гг. на фоне быстрого послекризисного восстановления российской экономики уровень безработицы сократился с более чем 13 до менее 9%, но при этом почти 70% работников, боявшихся потерять работу в 1998 г., сохранили прежний уровень страха и в 2000 г. В последующий период (2000–2007 гг.) на фоне мощного экономического роста и дальнейшего сокращения уровня фактической безработицы с 10 до 6% доля работников, боящихся потерять работу, сократилась с 58 лишь до 53%, но при этом никогда не опускалась ниже 50%. Устойчивость высокого уровня страха безработицы в российском обществе в эти годы является тем более удивительной, что проявлялась на фоне быстрого распространения жалоб на дефицит рабочей силы и несмотря на политический курс российских властей на обеспечение «стабильности» во всех сферах жизни общества, в том числе социальной защищенности на рынке труда. Наконец, во время кризиса 2009 г. безработица выросла более чем на 2 п.п., но доля «боящихся» работников изменилась очень слабо.

Страх безработицы среди российских работников и вызывающие его факторы изучались ранее в двух работах [5; 35]. Результаты этих исследований во многом совпадают, и в них отмечаются некоторые аномалии, существующие на российском рынке труда в сравнении с развитыми странами. Например, то, что страх безработицы гендерно не нейтрален – у женщин он выше, чем у мужчин, или то, что он усиливается с возрастом и увеличением специфического стажа работы. Что же касается связи между фактическим состоянием рынка труда и страхом безработицы, то авторы обеих работ приходят к выводу о том, что в начале переходного периода влияние уровня фактической безработицы в регионе на индивидуальный страх потерять работу не прослеживалось, но в дальнейшем оно стало статистически заметным.

В данной работе мы подтверждаем многие результаты предшествующих исследований, однако приходим к иному выводу относительно наличия связи между страхом безработицы и фактической безработицей. Мы показываем, что фактический уровень безработицы, измеряемый с помощью различных альтернативных показателей, слабо влияет на индивидуальные страхи. Контроль различных характеристик работников и рабочих мест, оценивание по различным подгруппам работников и в разные моменты времени не меняют этот вывод. Даже при наличии статистической значимости любой из используемых нами показателей безработицы оказывает слабое практическое влияние на вероятность того, что работник будет испытывать страх потерять работу. Вывод об отсутствии связи между фактической безработицей и страхом перед безработицей поднимает вопрос о природе высокого и устойчивого уровня страха в России.

Статья состоит из введения, шести разделов и заключения. В разделе 2 рассматривается эволюция ситуации на рынке труда и динамика отражающих ее субъективных оценок. Описание исследовательской методологии и используемых данных дано в разделе 3. Раздел 4 посвящен дескриптивному анализу показателей страха. Раздел 5 приводит и обсуждает эконометрические оценки, а раздел 6 анализирует масштаб влияния безработицы на страх безработицы на основе расчета условных вероятностей. Заключение подводит итоги и намечает дальнейшие исследовательские шаги.

2. Тенденции на рынке труда, институциональные изменения и страх безработицы: 1994–1998 и 2000–2009 гг.

2.1. Основные тенденции на рынке труда

Экономические реформы 1992 г. дают начало современной истории российской безработицы. В том же году впервые было проведено обследование рабочей силы (обследование населения по проблемам занятости или ОНПЗ), ставшее затем основным и стандартным инструментом регулярного измерения ситуации на рынке труда. Исходной точкой этой истории является уровень безработицы в 5,2%. Безработица постепенно росла до 8,1% в 1994 г. и вскоре после пика финансового кризиса 1998 г. перешла в область двузначных значений, достигнув 13,3%. Рекордный (для России) уровень, равный 14,6%, был достигнут в I квартале 1999 г. Однако уже со II квартала он стал быстро снижаться, реагируя на возобновление экономического роста.

Уровень безработицы последовательно шел вниз на протяжении всего периода 2000–2007 гг. К началу 2008 г. он опустился ниже значения в 6%. Доля потерявших работу из-за высвобождения/сокращения/ликвидации организации среди всех безработных снизилась с 26% в 2000 г. до менее 19% в 2008 г.⁴ На оживление экономики быстро реагировали и все другие показатели рынка труда. Уровень занятости возрос с 58,5 до 63%, практически полностью рассосались накопленные долги по заработной плате, сузились ареалы неполной занятости, увеличилась годовая величина отработанного рабочего времени. При этом проблема «навеса» избыточной занятости – еще недавно доминировавшая среди потенциальных угроз – практически исчезла из дискуссионной экспертизы и работодателей, уступив свое место обратной проблеме – «угрозе тотального дефицита рабочей силы»⁵. Показатели найма все время оставались высокими, коррелируя с наличием и доступностью вакансий. Однако наиболее впечатляющей все же была динамика заработной платы: ее средняя величина в реальном выражении, согласно Росстату, прирастала на 12–15% в год на протяжении всего этого периода. В итоге к 2008 г. российский рынок труда уже казался рынком продавца, в роли которого выступали работники. Другими словами, он выглядел абсолютно иначе, чем в 1999 или 2000 гг., и каждый это мог почувствовать на себе. Все эти достижения широко пропагандировались СМИ и политиками и должны были быть всем хорошо известны, ослабляя тем самым потенциальный градус страха безработицы.

Конечно, более подробный взгляд рисует не столь однозначную картину. Численность работающих в организациях всех видов, т.е. там, где рабочие места защищены трудовым кодексом, сократилась с 52 до примерно 48 млн. человек. Возрос удельный вес временной – т.е. нестабильной и уязвимой – занятости, существенно расширился в размерах неформальный сектор. Увеличилась доля работников с коротким специальным стажем [9]. Другими словами, удельный вес волатильных рабочих мест и «плохих» трудовых контрактов непрерывно возрастал [11]. Хотя этот аспект рынка труда реже обсуждался политиками и в ведущих СМИ, но был хорошо известен многим из их личного – и далеко не всегда позитивного – опыта. Такое непосредственное знание могло поддерживать у людей ощущение незащищенности и неопределенности, а следовательно, и повышенной тревожности. Однако, судя по высоким

⁴ Этот показатель, однако, вновь подскочил до 28% в 2009 г.

⁵ Отметим, что авторы данной работы никогда не разделяли мнение о реальности подобной угрозы (см.: [4]).

значениям показателей найма, потеря незащищенного рабочего места в этот период относительно легко компенсировалась нахождением другого такого же.

Экономический кризис 2008–2009 гг. не мог не затронуть рынок труда, хотя это влияние стало проявляться со значительным лагом. Несмотря на периодические объявления о массовых сокращениях, в 2008 г. самих сокращений было не так много. Уровень безработицы в IV квартале 2008 г. пока еще составлял умеренные 7%, но это уже был рост на 1,3 п.п. по сравнению с 2007 г. В 2009 г. уровень безработицы достиг примерно 8,5%. При этом существенно изменилась динамика других показателей рынка труда: началось снижение реальной заработной платы и вновь возникли задолженности (хотя и небольшие по объему), стала быстро распространяться неполная занятость⁶. Ожидание и обсуждение массовых сокращений на крупных и крупнейших предприятиях стало одним из фокусов внимания в СМИ и фактором массовой озабоченности. Впрочем, уже в 2010 г. все показатели рынка труда вновь свидетельствовали о том, что ситуация улучшается; стало очевидно, что угроза катастрофы прошла мимо.

Таким образом, развитие фактической ситуации на рынке труда в обсуждаемый период могло влиять на субъективные ожидания неоднозначно – как сдерживая массовые страхи, так и провоцируя их. Этот баланс, однако, мог сильно варьироваться по группам занятых.

2.2. Институциональные изменения

В первой половине 1990-х годов шло формирование институционального каркаса рынка труда. В этот период были заложены все основные институты, которые с большими или меньшими модификациями действуют и сегодня. Однако эта сфера экономики никогда не была приоритетной для властей, а основной – явной или нет – задачей институционального строительства было недопущение массового высвобождения рабочей силы. В 1990-е годы и МРОТ, и коэффициент замещения для пособий по безработице оставались низкими, окончательно сформировалась привязка переменной части заработной платы к финансово-экономическим возможностям предприятий и организаций. Это обеспечивало значительную гибкость оплаты труда и позволяло ей относительно легко «переваривать» даже очень сильные внешние шоки [7]. При этом трудовое законодательство, материализованное в перелатанном советском КЗОТе, оставалось достаточно жестким, но плохо соблюдаемым. Не удивительно, что в таком контексте массовые увольнения были редки, а значительная дисперсия зарплат непрерывно подпитывала текучесть кадров и оборот рабочей силы в целом.

Институциональные изменения, имевшие место в 2000-е годы, сами по себе вряд ли могли усиливать ощущение растущих рисков. Трудовой кодекс, вступивший в действие в 2001 г., почти не затронул основные защитные нормы. Появившаяся в нем двусмысленность в регулировании срочных договоров была вскоре ликвидирована Пленумом Верховного Суда (2004 г.), а затем и поправками в ТК (2006 г.). Также в этот период усилилась деятельность в сфере инфорсmenta законов: возросла активность судов и Гострудинспекции [2]. В этой части институциональные изменения – если судить с формальной точки зрения – скорее повышали общий уровень защищенности работников и потенциально демпфировали страхи.

⁶ Подробный анализ реакций рынка труда в условиях кризиса 2008–2009 гг. представлен в работе [8].

Несколько иная картина возникает, если мы анализируем количественные показатели, отражающие функционирование институтов. Реальный охват занятых системой защиты рабочих мест имел тенденцию к сокращению (доля работников крупных и средних предприятий снизилась с двух третей до половины от всех занятых), и инфорсмент законов оставался в целом слабым⁷. Это означает, что доля незащищенных работников неуклонно росла. Рост МРОТа в 2006–2009 гг. вел к ускоренному росту заработной платы в нижней части распределения, тем самым повышая ценность соответствующих рабочих мест в корпоративном секторе на фоне общей тенденции к сокращению их численности. Аналогично влияли и повышения заработной платы бюджетников, также участвовавшие во второй половине 2000-х годов. В то же время следствием роста и компрессии заработной платы в нижней части распределения могло стать выталкивание части малопродуктивных работников из занятости. Поскольку быстрый рост средней заработной платы сопровождался снижением коэффициента замещения⁸ (отношение среднего пособия по безработице к средней заработной плате), то суммарные издержки, связанные с безработицей, постоянно возрастали.

Подытоживая, отметим, что и эффект институциональных изменений не был однозначным и явно выраженным с точки зрения влияния на страх безработицы.

2.3. Уровень и динамика страха безработицы

Теперь обратимся собственно к страхам. На рис. 1 представлена динамика двух индикаторов субъективных представлений о защищенности занятости на российском рынке труда за 1994–2008 гг., рассчитанных по данным РМЭЗ. Это уровень обеспокоенности потерей работы (доля работников, которые *очень обеспокоены* и *немного обеспокоены* тем, что могут потерять свою работу) и уровень неуверенности в нахождении новой работы (доля работников, которые *совсем не уверены* или *не очень уверены* в том, что в случае увольнения смогут найти работу не хуже имеющейся)⁹.

Рисунок 1 показывает, что на протяжении всего переходного периода – как в 1990-е, так и в 2000-е годы – субъективная оценка защищенности занятости в России находилась на очень низком в сравнении с другими странами уровне. Доля тех, кто боялся потерять работу, все эти годы устойчиво держалась выше отметки в 50%. Для сравнения: в США или Великобритании в 1990-е годы доли работников, которые считали очень вероятным или вполне вероятным потерю работы, не превышали 10% [13; 32]. Это согласуется с результатами межстрановых сопоставлений, в соответствии с которыми уровень страха безработицы у россиян заметно выше, чем в развитых странах при сопоставимых уровнях безработицы (см. рис. 2) [6]. Более того, Россия отличается весьма жестким законодательством о защите рабочих мест, тогда как в США и Великобритании режим регулирования крайне либеральный¹⁰. Наоборот, уровень страха потерять работу в нашей стране оказывается близок к аналогичным

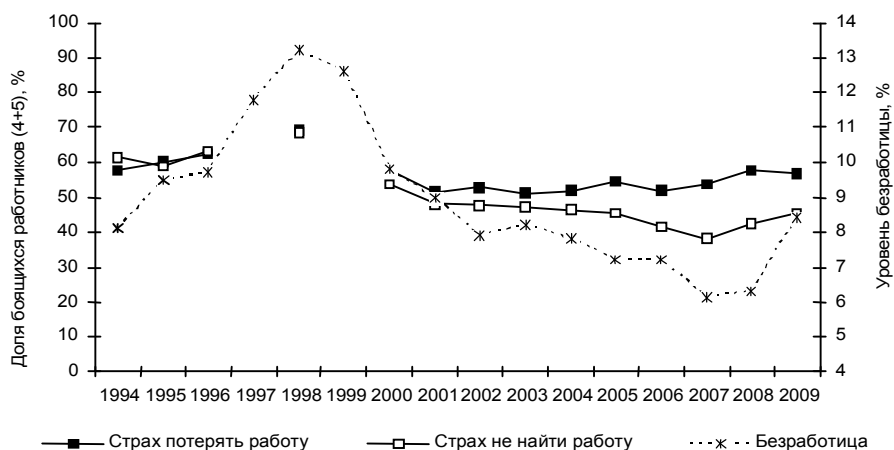
⁷ Об инфорсменте трудового законодательства в России см.: [1; 2; 3; 28].

⁸ Пособие по безработице было значительно повышено в качестве «антикризисной меры» лишь с начала 2009 г.

⁹ Более подробно про РМЭЗ и используемые показатели см. в разделе 3.

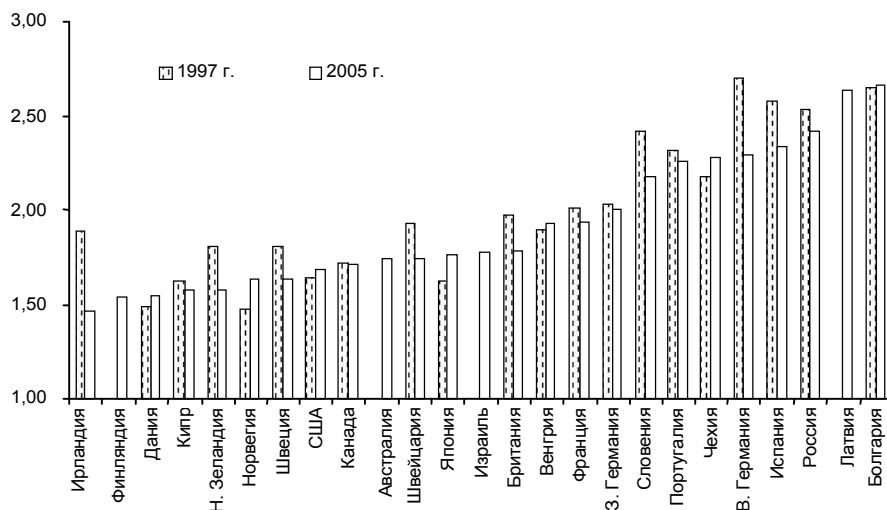
¹⁰ Это согласуется с таким результатом, получаемым в межстрановых исследованиях, что, на самом деле, между жесткостью законодательства о защите занятости (ЗЗЗ) и субъективными представлениями работников о защищенности наблюдается обратная связь (см., например: [6; 24]).

показателям для стран Латинской Америки (рис. 3), где законодательство о защите рабочих мест очень жесткое, но распространяется лишь на небольшой формальный сектор, а защита от безработицы (в привычном европейском смысле) практически отсутствует [30].



Примечания. Доля работников, боящихся потерять работу, рассчитана по данным РМЭЗ как суммарная доля работников, ответивших «очень беспокоит» или «немного беспокоит» на вопрос о потере работы. Аналогично, доля работников, боящихся не найти новую работу, рассчитана по данным РМЭЗ как суммарная доля работников, выбравших «не очень уверен» или «совсем не уверен» при ответе на вопрос об уверенности в получении новой работы (подробнее о формулировках вопросов см. раздел 3). Уровень безработицы взят из официальных публикаций Росстата.

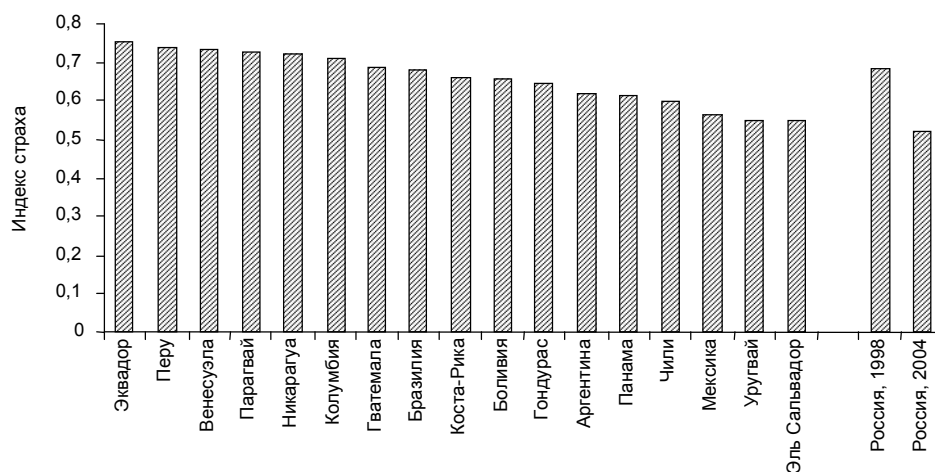
Рис. 1. Динамика субъективных представлений о защищенности рабочих мест и фактического уровня безработицы, 1994–2009 гг.



Примечание: более высокое значение индекса означает более высокий уровень страха.

Рис. 2. Индекс страха потери работы в разных странах, 1997 и 2005 гг.

Источник: [6].



Примечание: более высокое значение индекса означает более высокий уровень страха. Индекс по странам Латинской Америки взят из работы [30]. Аналогичный индекс был рассчитан нами для России.

Рис. 3. Индекс страха безработицы в странах Латинской Америки и России

Наблюдаемая нами обратная положительная связь между режимом регулирования и уровнем страха (жестче защита рабочих мест – сильнее страх безработицы) лишь на первый взгляд кажется контринтуитивной. Сильный страх может формировать спрос на более жесткое регулирование рынка труда (законодательство о защите занятости), который политики постараются удовлетворить. Жесткое регулирование в свою очередь, как известно, подавляет создание новых рабочих мест и усиливает давление на работников в кризисные и предкризисные периоды, что сказывается на психологическом состоянии работников [46]. Круг замыкается¹¹.

Другой интересный факт, касающийся субъективных представлений работников о защищенности занятости в России, заключается в том, что такие представления очень инерционны и слабо чувствительны к фактической ситуации на рынке труда. Черная жирная линия на рис. 1 отражает динамику уровня безработицы (измененного по стандартной методологии МОТ). Можно отметить, что индикаторы субъективной обеспокоенности потерей работы достаточно слабо реагировали в 1994–1998 гг. и в 1999–2001 гг. на изменения в фактической безработице, а с 2001 г. застыли на одном уровне. Несмотря на снижение уровня безработицы в период 1998–2007 гг. более чем вдвое, доля боящихся потерять работу сократилась с 69% лишь до 53%. Доля тех, кто боялся не найти новую работу, снизилась в рассматриваемый период в большей степени, но и она устойчиво держалась на уровне выше 40% (за исключением 2007 г.). Именно этот период, когда показатели страха безработицы находились на стабильно высоком уровне на фоне сильного экономического роста и сокращения фактической безработицы, не был рассмотрен в предыдущих исследованиях. Отметим также, что небольшой, но заметный подъем обоих индикаторов произошел в 2008 г. на фоне наметившегося роста фактической безработицы и усиления угрозы массовых сокраще-

¹¹ Рассматриваемая нами ситуация подобна взаимодействию между степенью недоверия в обществе и спросом со стороны общества на государственное регулирование – они также оказываются положительно связанными (см. [41]).

ний, связанных с кризисом. В 2009 г. уровень безработицы прибавил более 2 п.п., вызвав лишь минимальную реакцию со стороны показателей страха.

Общий уровень обеспокоенности в потере работы оставался стабильным во многом за счет сильной инерционности индивидуальных представлений¹². Примерно 40% работников не меняли степень своей обеспокоенности потерей работы даже в периоды очень резких изменений в общеэкономической ситуации и состоянии рынка труда, связанных с кризисами 1998 г. и 2008–2009 гг. Если отдельно рассмотреть группу работников, обеспокоенных потерей работы, то оказывается, что в этой группе наблюдалась еще бóльшая степень устойчивости представлений: около 70% из тех работников, кто опасался потерять работу, сохраняли свою обеспокоенность и на следующий год. Подчеркнем, что при этом более половины работников, *очень обеспокоенных* возможной потерей работы, оставались в данной группе на следующий год даже в период устойчивого экономического роста и сокращения безработицы. Все это также говорит о том, что субъективные представления об угрозе безработицы весьма инерционны и слабо реагируют на внешние объективные обстоятельства. Стабильность индивидуальных субъективных представлений о перспективах нахождения новой работы в случае увольнения была еще выше.

Надо отметить, что наблюдаемое расхождение в объективных (уровень безработицы) и субъективных (уровень страха безработицы) характеристиках не является общей закономерностью, типичной для всех стран. Если в одних странах объективные и субъективные показатели сильно коррелируют между собой (т.е. движутся параллельно)¹³, то в других они могут двигаться относительно независимо друг от друга или демонстрировать слабую связь (см. [6]).

Вышесказанное позволяет сформулировать нашу общую гипотезу, касающуюся факторов страха: *страх безработицы в России слабо зависит от текущего состояния рынка труда*. Дальнейшее изложение посвящено тестированию этой гипотезы и обсуждению возможных следствий из нее.

3. Методология и данные

Наше исследование базируется на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ). Это единственное в России панельное обследование домохозяйств, в рамках которого задается широкий круг вопросов о трудовой деятельности, включая вопросы о страхе безработицы. Мы используем объединенный массив РМЭЗ, включающий все волны обследования с 1994 по 2009 гг., и оцениваем модель следующего вида:

$$(1) \quad Fear_{it} = \beta_0 + \beta_1 U_{jt} + \beta_2 D_{it} + \beta_3 IC_{it} + \beta_4 JC_{it} + \tau_t + \varepsilon_{it},$$

где i относится к индивидам; j обозначает регион (или более узкие группы работников); t обозначает период времени. Зависимой переменной является показатель ин-

¹² Мы не приводим соответствующие таблицы из-за экономии места, но они доступны по запросу.

¹³ Как уже отмечалось выше, представления людей о рисках безработицы в США в 1977–1996 гг. менялись во времени, достаточно точно отражая динамику показателя безработицы (см. [42]).

дивидуального уровня страха (*Fear*), который измеряется двумя способами (см. ниже). Нас интересует связь этого показателя с фактической безработицей (U), а также с наличием прошлого личного опыта безработицы (D_u)¹⁴. Контрольные переменные мы разделяем на индивидуальные характеристики работника (IC) и характеристики рабочего места (JC). Переменная τ представляет собой фиксированный временной эффект; он отражает влияние факторов, действующих одновременно на всех (но, возможно, с разной силой) работников¹⁵.

Уровень страха в РМЭЗ измеряется с помощью двух вопросов.

Первый вопрос имеет следующий вид: «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?» (FEAR_1).

Второй звучит так: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?» (FEAR_2).

Если первый вопрос характеризует то, как респонденты оценивают вероятность потери ими работы, то второй – их шансы на трудоустройство и связанные с этим потенциальные финансовые и эмоциональные издержки. В этом смысле они взаимосвязаны и комплементарны. Каждый из них предполагает пять упорядоченных вариантов ответов, где большее значение (равное 5) соответствует наибольшему уровню страха, а меньшее (равное 1) – наименьшему¹⁶. Таким образом, модель (1) представляет собой модель упорядоченного выбора. Мы оцениваем ее для каждого вопроса по отдельности, поскольку оттенки вопросов различаются. Как было показано выше, если в 1990-е годы индексы этих страхов вели себя практически идентично, то в последние годы они начали расходиться, что особенно заметно при дифференцированном анализе по отдельным группам работников (особенно для старших возрастов).

Оба вопроса задаются во всех волнах обследования РМЭЗ и ранее уже использовались для анализа субъективных представлений о защищенности занятости¹⁷. Формулировки вопросов близки к стандартным для такого рода исследований, проводившихся за рубежом. Небольшое отличие состоит в том, что в опросах в других странах они часто привязаны к определенному периоду времени. Например, аналогом первого вопроса является следующий: «Как вы думаете, насколько вероятно, что вы потеряете свою работу в течение ближайших 12 месяцев» (см., например: [24; 25; 27; 36; 42]).

В качестве переменных, характеризующих риски безработицы (U), мы альтернативно используем несколько разных показателей.

Самым очевидным кажется использование стандартных показателей уровня безработицы, рассчитываемых для каждого региона на основе данных ОНПЗ по ме-

¹⁴ О роли личного опыта безработицы см., например: [16; 33].

¹⁵ Например, это могут быть привязанные к определенному моменту времени законодательные поправки, внесенные в режим регулирования и меняющие общий институциональный контекст, или повышенная тревожность по этому поводу, распространяемая СМИ.

¹⁶ Изначально шкала второго вопроса была построена обратным образом. Для сопоставимости мы перевернули ее так, чтобы большее значение соответствовало большему уровню страха.

¹⁷ В работе [5] использовался агрегированный индекс, представлявший собой сумму ответов на оба вопроса. Авторы статьи [35] анализировали данные вопросы отдельно.

тодологии МОТ. Однако такие региональные показатели безработицы имеют ряд очевидных недостатков. Прежде всего, они чрезмерно агрегированы, а потому плохо отражают реальные риски на рынке труда для представителей разных социально-демографических групп, проживающих в регионах. Естественно предположить, что соответствующие страхи у респондентов могут формироваться не столько под воздействием агрегированных региональных уровней безработицы, сколько под воздействием того, как эти респонденты видят соответствующие риски для людей со схожими основными характеристиками. Другими словами, мужчина 40 лет с высшим образованием, проживающий в г. Воронеже (например), скорее будет ориентироваться на то, как складывается ситуация на рынке труда для проживающих в этом городе мужчин в том же возрасте и с тем же образованием, чем на максимально агрегированный уровень безработицы в Воронежской области.

В качестве альтернативы мы рассчитываем так называемые специфические групповые показатели безработицы и незанятости. Для их расчета мы, используя данные ОНПЗ, выделили группы на пересечении переменных *регион × пол × образование × город/село*¹⁸. Всего у нас получилось 496 специфических групп, для каждой из которых мы рассчитали показатели безработицы (как процент безработных в численности экономически активного населения в группе) и незанятости (как процент незанятых в численности всего населения данной группы)¹⁹. Именно такие специфически групповые показатели безработицы мы используем в наших базовых спецификациях. Естественно, вариация значений у них заметно больше, чем у уровня региональной безработицы.

Для измерения прошлого опыта безработицы альтернативно используем две индикативные переменные. Первая переменная принимает значение единица, если индивид хотя бы раз находился в состоянии безработицы, и ноль, если не находился ни разу. Вторая переменная принимает значение единица, если индивид был безработным на момент обследования в прошлом году, и ноль, в противном случае²⁰.

В качестве индивидуальных характеристик респондентов (*IC*) мы рассматриваем такие переменные, как пол, возраст и квадрат возраста, уровень образования, семейное положение, наличие пенсии, профессия, специальный стаж и квадрат стажа, наличие второй работы. В состав характеристик рабочего места (*JC*) входят размер предприятия, наличие подчиненных, наличие долгов по заработной плате, тип населенного пункта. Кроме того, мы контролируем федеральный округ, в котором проживает респондент.

Если характеристики респондентов отражают их индивидуальные позиции на рынке труда, то характеристики рабочих мест отражают вариацию в рисках занятости, связанных с качеством этих рабочих мест. Например, можно предположить, что страх потери работы в среднем будет ниже у работников государственного сек-

¹⁸ Мы отказались от дополнительного дробления по возрастным группам из-за значительного увеличения ошибки.

¹⁹ Если существует достаточно большой отток из занятости не только в безработицу, но и в неактивность, то уровень безработицы может давать более оптимистическую картину, чем она есть на деле. Поэтому наряду с уровнем безработицы мы также используем уровень незанятости.

²⁰ Надо отметить, что данные РМЭЗ не позволяют полностью восстановить трудовую историю работников, так как не учитывают периоды между моментами обследований, тем самым недооценивая фактическое число случаев безработицы.

тора, чем у работников из частного сектора; у занятых на крупных предприятиях ниже, чем на малых; у занятых в неформальном секторе выше, чем у занятых в формальном секторе²¹.

Степень страха потерять работу может зависеть не только от вероятности потери работы, но и от тех издержек, которые в этом случае понесет индивид. Это означает, что кроме низкой конкурентоспособности индивида на рынке труда или неустойчивости занятости на данном рабочем месте на страх потери работы могут оказывать влияние наличие альтернативных источников дохода (например, наличие второй работы или трудовой пенсии), доля индивида в совокупном доходе семьи, размер семьи и/или наличие детей и т.п.

Описательная статистика по всем используемым регрессорам представлена в табл. П1 в Приложении. Выборка в каждый год ограничивается занятыми индивидами в возрасте от 15 до 72 лет. Между двумя рассматриваемыми подпериодами (1994–1998 и 2000–2009 гг.) есть заметные различия. Во втором подпериоде еще больше сократилась доля занятых в государственном секторе экономики, начал снижаться уровень безработицы и сократилось количество случаев безработицы (прирост доли людей, хотя бы раз бывшими безработными, связан с тем, что второй рассматриваемый период более длительный, чем первый), быстро пошла на спад распространенность задолженностей по заработной плате. Эти и другие изменения в характеристиках респондентов, связанные с реальными изменениями на рынке труда, могли оказывать разнонаправленное влияние на исследуемые нами страхи. Поэтому мы их контролируем при анализе динамики страхов (см. раздел 5).

4. Дескриптивный анализ показателей страха

В этом разделе мы анализируем динамику и вариацию обоих показателей страха (FEAR_1 и FEAR_2). В табл. П2 Приложения приведены доли боящихся потерять работу и доли боящихся не найти работу не хуже имеющейся в разрезе основных групп работников. Рассмотрим основные распределения.

Индивидуальные характеристики. Страх безработицы сильно варьируется в зависимости от пола и возраста. Зависимость FEAR_1 от возраста имеет форму перевернутой буквы U. Доля охваченных таким страхом достигала максимума (63% в первом подпериоде и 55% – во втором) в возрастной группе 46–59 лет и затем (уже в пенсионном возрасте) снижалась на 13 и 10 п.п. соответственно. Риски безработицы кажутся максимальными для работников предпенсионных возрастов, а с появлением альтернативного дохода в виде пенсии они начинают снова снижаться. Уменьшение этого показателя в группе 30–45 лет между подпериодами составило около 12 п.п. и по величине было значительно больше, чем для других возрастов.

²¹ При оценивании влияния индивидуальных характеристик и характеристик рабочего места на страх безработицы возможно проявление эндогенности. В одном случае она может возникать из-за существования ненаблюдаемых индивидуальных характеристик, влияющих как на наблюдаемые характеристики, включаемые в уравнение (1), так и на страх безработицы. В другом – из-за того, что индивиды с более высоким уровнем тревожности по поводу возможной потери работы могут стремиться на более защищенные рабочие места. В работе мы полагаем, что ни в том, ни в другом случае эта проблема не влияет на оценки интересующих нас коэффициентов при фактической безработице.

Страх не найти работу (FEAR_2), наоборот, с возрастом меняется монотонно, достигая своего максимума в группе пенсионного возраста, что также легко объяснить. При этом снижение уровня страха во времени от первого подпериода ко второму было максимальным в младших возрастах (снижение на 20 п.п.), а минимальным – в старших (8 п.п.).

Женщины больше боятся потерять работу, чем мужчины, но снижение показателя между подпериодами также шло быстрее у женщин (снижение на 13 п.п. у женщин против 7 п.п. у мужчин). То же самое относится и к страху не найти работу, однако абсолютный масштаб сокращения распространенности страха во втором периоде больше, чем для страха потери (21 п.п. у женщин и 15 п.п. у мужчин).

С ростом уровня образования страхи ослабевают, а межгрупповые различия становятся менее выраженными. В 1990-е годы уровень образования выше техникума давал значимое преимущество работникам, которое практически исчезло в 2000-е годы. Респонденты, имеющие семьи, боятся безработицы несколько сильнее, но различия статистически малозначимы.

Жители села сильнее подвержены страхам, а жители Москвы и Санкт-Петербурга – значительно меньше. За этим могут скрываться как различия в возможностях трудоустройства, так и социально-демографические различия.

Наличие второй работы, косвенно отражая конкурентоспособность работника на рынке труда (наличие альтернативных или дополнительных профессиональных навыков), ожидаемо снижает градус озабоченности. Альтернативный доход позволяет в случае потери работы легче переносить временную безработицу и снижает издержки поиска новой работы²². Наоборот, долги по заработной плате, если они есть, означают и слабость работника, и уязвимость занимаемого им рабочего места.

Характеристики рабочих мест. Можно было бы предположить, что наличие более защищенного рабочего места снижает градус обеспокоенности по поводу его возможной потери. К таким рабочим местам можно отнести работу в государственном секторе, на крупном предприятии и с оформлением трудового договора по всем правилам. Однако данные показывают, что эта связь не столь очевидна.

Занятые в государственном секторе сильнее боятся потерять работу, чем занятые в частном. Различия между этими секторами по FEAR_2 еще более выражены. Казалось бы, государство-работодатель должно относительно лучше защищать работников и последние эту заботу должны ощущать. Но еще удивительнее то, что работающие неформально заметно слабее подвержены страху потерять работу. В этой группе в 2000-е годы значения обоих показателей страха были наименьшими среди всех групп, представленных в таблице. Вариация в распространенности страхов в зависимости от размера предприятия достаточно слабая: работники крупных предприятий подвержены им не в меньшей степени, чем работники мелких и средних.

Наличие подчиненных ассоциируется с большей уверенностью в собственных силах. С одной стороны, этот фактор отражает положение во властной иерархии, с другой, здесь возможен эффект неслучайного отбора, так как на такие позиции могут продвигаться более энергичные и конкурентоспособные индивиды.

Из этих результатов следует, что неслучайный сортинг работников по рабочим местам, при котором менее конкурентоспособные или менее склонные к риску работ-

²² В этом смысле его эффект аналогичен эффекту пособия по безработице, которое также амортизирует издержки потери работы.

ники стремятся занять более защищенные рабочие места, действительно, может иметь место на российском рынке труда²³. В силу явных или неявных предпочтений индивиды с определенным набором наблюдаемых и ненаблюдаемых характеристик тяготеют к определенным типам рабочих мест. Ради удовлетворения своих предпочтений (которые входят в их функцию полезности) работники могут соглашаться на более низкую заработную плату, тем самым подтверждая теорию компенсирующих различий. В нашем случае страх потери работы может транслироваться в стремление к минимизации риска на рынке труда и, соответственно, формировать ориентацию на более защищенные рабочие места (государственный сектор, крупные предприятия и наличие формального контракта). Отметим, что такая сортировка снижает агрегированный уровень страха относительно того уровня, который мог бы быть в случае, если бы она отсутствовала (т.е. если бы работники распределялись по защищенным и незащищенным рабочим местам случайным образом). Как показывают наши предыдущие исследования, в России занятость в государственном секторе и на более защищенных рабочих местах ассоциируется с более низкой заработной платой [7; 12].

Характеристики рынка труда. Поскольку показатели безработицы представляют собой непрерывные (а не дискретные) величины, мы используем их значения для трех точек распределения. Значения процентилей (p25, p50, p75) даны в табл. П3 в Приложении. Как мы видим, они соответствуют весьма контрастным состояниям рынка труда, которые можно условно назвать низкой, средней и высокой безработицей. Усиление страхов непропорционально увеличению безработицы. Например, переход от низких значений специфической безработицы к высоким в первом подпериоде сопровождался снижением страхов (возможно, что в результате самообучения), а во втором – их ростом примерно на 5 п.п. Что же касается специфической незанятости, то и здесь связи оказываются слабо выраженными.

5. Факторы страха: эконометрический анализ

Выше мы представили вариацию показателей страха по отдельным группам работников. В данном разделе мы делаем следующий шаг: приводим результаты эконометрического анализа, который позволяет определить значимость отдельных факторов при условии контроля прочих влияний. Оцениваем уравнение (1) как для FEAR_1, так и для FEAR_2, и делаем это отдельно для периода 1990-х и периода 2000-х годов. Кроме того, для каждой зависимой переменной используем три спецификации, различающиеся между собой способом описания состояния локального рынка труда. Для того чтобы учесть автокорреляцию ошибок, возникающую вследствие панельной структуры наших данных, а также кластерную корреляцию ошибок внутри регионов, мы оцениваем стандартные ошибки коэффициентов по методу Уайта, дополнительно учитывая пространственную кластеризацию ([47, с. 152, 330]).

5.1. Страх потерять работу

В табл. П4 представлены результаты оценивания уравнения (1) с зависимой переменной FEAR_1 на двух временных отрезках. Каждый из столбцов соответст-

²³ О сортировке работников на рынке труда см., например: [34].

ует спецификации, в которой в качестве показателя безработицы использовались уровень региональной безработицы (*RU*), уровень специфически-групповой безработицы (*SU*) и уровень незанятости (*SNE*) соответственно.

Для первого подпериода характерен сильный гендерный разрыв: женщины боятся безработицы намного сильнее, чем мужчины. Во втором он несколько сокращается, но остается статистически значимым. Обратная U-образная зависимость от возраста, выявленная ранее при дескриптивном анализе, подтверждается для обоих подпериодов. Если в 1994–1998 гг. наличие третичного образования ослабляло страх потерять работу, то в 2000–е годы, на фоне резкого роста предложения высокообразованного труда, это влияние перестало быть значимым. Наличие пенсии как альтернативного дохода ожидаемо ослабляет страх потерять работу. Так же действует и состояние в браке, предоставляя моральную и материальную поддержку. Положительная связь страха со специфическим стажем работы (это отмечают и авторы работы [35]) плохо согласуется с тем, что наблюдается в других странах, но согласуется с выводами других исследований по России. Это можно объяснить тем, что длительное отсутствие инвестиций в специфический человеческий капитал (что характерно для России) и ограниченность альтернативных возможностей подрывают позиции работника на данном рабочем месте. Этот эффект во втором подпериоде усилился.

В 1994–1998 гг. факт занятости на предприятиях, полностью или частично принадлежащих государству, не был связан со страхом потери работы, но в 2000–е годы ожидаемая обратная зависимость проявилась. С одной стороны, сократился удельный вес государственного сектора, с другой, в нем усилился инфорсмент трудового законодательства. Надо также отметить, что даже если для переменной занятости в государственном секторе проблема эндогенности (в виде самоотбора) существует, то ее нейтрализация не изменит, а только усилит отрицательную связь. Действительно, в отсутствие такого самоотбора уровень страха мог бы быть выше.

В оба подпериода страх потерять работу оказывается сильнее у работников крупных предприятий, чем у работников мелких и средних. Этот результат не меняется при исключении из уравнения индикатора формы собственности. Скорее можно было бы ожидать обратное: страх будет слабее на крупных предприятиях, на которых инфорсмент трудового законодательства, защищающего работников, полнее. Повидимому, крупные предприятия, традиционно отличавшиеся избытком рабочей силы, быстрее сокращали численность занятых, оказывая тем самым определенное психологическое давление на работников. Здесь также может проявляться неслучайный сортинг – самоотбор малоконкурентных работников с сильным страхом потери работы (и предпочтениями гарантий занятости) на более крупные предприятия.

Интересно также отметить, что работники, оформленные на работу по всем правилам трудового законодательства, сильнее боятся, чем занятые без такого оформления. Соответствующие расчеты не представлены в табл. П4, так как данная переменная (наличие письменного трудового договора) имеется не для всех лет наблюдения. Этот результат устойчив на всех доступных кросс-секциях (1998, 2000 и 2002–2008 гг.), а также сохраняется при добавлении соответствующей переменной в полную спецификацию для периода 2002–2008 гг. На наш взгляд, это еще более сильное, чем описанное выше, свидетельство самоотбора работников.

Как можно было ожидать, страх потерять работу выражен сильнее у занятых в сельской местности, чем в городской, а в столицах он слабее, чем в других регионах. Это объясняется более широкими возможностями трудоустройства в городах, особенно крупнейших. Имеющие в своем подчинении других работников, как правило, чув-

ствуют себя уверенней, чем простые исполнители, так как наличие подчиненных свидетельствует и о наличии власти над другими работниками, и об относительной ценности такого работника для компании. Наличие долгов по зарплате было значимым предиктором страха в первом подпериоде. Этот показатель косвенно отражал как экономическое состояние предприятия, так и относительную ценность работника для предприятия. Однако значимость этого фактора во втором периоде снизилась, так как случаи невыплат резко сократились.

Каково влияние на страх со стороны локального рынка труда? Передаются ли работникам сигналы от фактической безработицы, усиливая или ослабляя чувство страха? Оказывается, что если и передаются, то в довольно слабой степени.

Как уже отмечалось выше, мы используем три разных показателя состояния локального рынка труда. В первом подпериоде коэффициенты при всех из них оказываются отрицательными и незначимыми. Во втором все коэффициенты становятся положительными, но значимым оказывается коэффициент только при специфической незанятости. Отметим, что коэффициенты являются положительными и значимыми, если применяется простое оценивание стандартных ошибок, но значимость исчезает при робастном оценивании²⁴. Означает ли это, что более высокая безработица все-таки транслируется в более сильный страх? Ответ на этот вопрос требует дополнительного оценивания не только статистического, но и практического эффекта безработицы, и мы вернемся к нему ниже.

Связь между страхом потерять работу и личным опытом безработицы (при контроле всех других переменных) представлена в табл. П5. Мы приводим эти результаты в отдельной таблице, так как включение индикаторов личного опыта безработицы заметно сокращает размер выборки. Анализируемая связь является незначимой независимо от того, какой индикатор прошлого опыта используется. Этот результат воспроизводится во всех спецификациях, в том числе на всех кросс-секциях за отдельные годы. (В целях экономии места мы приводим результаты только для показателя наличия хотя бы одного периода безработицы). Отметим, что статистическая значимость коэффициентов при различных показателях фактической безработицы практически не меняется.

5.2. Страх не найти работу

Результаты оценивания уравнения (1) для альтернативной переменной страха – страха не найти работу не хуже имеющейся (FEAR_2) – во многом повторяют представленные выше результаты (см. табл. П6), но есть и некоторые отличия.

Женщины намного сильнее боятся, что не найдут сопоставимую работу. Эффект возраста во втором периоде исчезает, а эффект наличия семьи в оба подпериода отсутствует. Эффект места жительства сильно значим: горожане меньше боятся соответствующих трудностей, а жители Москвы и Санкт-Петербурга ощущают дополнительные преимущества. В первом подпериоде только третичное образование отрицательно влияло на страх, но и этот эффект исчезал в случае специфических групповых показателей безработицы и незанятости. Во втором подпериоде меньше всего бы-

²⁴ Выявленное изменение направления влияния согласуется с результатами предыдущих работ [5] и [35]. Видимо, это можно интерпретировать как результат активного социального обучения, имевшего место в этот период.

ли озабочены такими проблемами обладатели начального профессионального образования, а больше всего те, кто не имеет и общего среднего. При этом последняя группа значительно отличается от всех остальных. Наличие пенсии и второй работы дают «защищенный» доход, позволяющий его обладателю не спешить с поиском. В первом подпериоде подверженность работников задолженности по зарплате является фактором страха, но во втором это влияние исчезает.

Характеристики рабочих мест влияют на страх неоднозначно. Так, работники малых предприятий боятся в меньшей степени; по-видимому, они привыкли к частой мобильности и смене работы. Принадлежность к госсектору здесь не оказывает значимого влияния.

Теперь обратимся к показателям рынка труда. В первом подпериоде они все остаются статистически незначимыми, но во втором становятся значимыми с ожидаемым знаком. Однако только две из трех спецификаций (с переменными для региональной безработицы и специфически-групповой незанятости) сохраняют значимость при робастном оценивании стандартных ошибок.

По-иному выглядит эффект прошлого опыта. Наличие периодов безработицы в прошлом значительно усиливает испытываемый индивидом страх не найти работу не хуже той, что имеется в настоящее время (при контроле всех других переменных). Факт такой зависимости подтверждается данными табл. П7. По-видимому, те, кто лично уже сталкивался с необходимостью поиска новой работы, будучи при этом безработными, лучше представляют себе связанные с этим издержки. Использование альтернативного показателя, отражающего опыт безработицы в предыдущем году, подтверждает наличие связи между ним и страхом. Однако следует напомнить, что наличие связи между прошлым опытом безработицы следует интерпретировать с большой осторожностью, так как данные РМЭЗ не позволяют восстановить трудовую историю респондентов в полной мере, и, при этом, отбор в группу работников, имеющих прошлый опыт безработицы, скорее всего, не является случайным.

5.3. Анализ робастности результатов

Здесь нас интересует устойчивость выявленных связей между страхами и показателями безработицы. Как уже отмечалось выше, некоторые переменные в наших регрессиях потенциально эндогенны. Например, занятость на крупных предприятиях или занятость без оформления трудовой книжки могут быть следствием неслучайного сортировки работников. Хотя уровни безработицы по своей природе экзогенны и никак не связаны с индивидуальными характеристиками работников (при условии слабой межрегиональной миграции), на оценки коэффициентов при них могут влиять другие потенциально эндогенные регрессоры. Чтобы устранить эту возможность, мы оценили наши спецификации для обоих страхов, исключив при этом все потенциально эндогенные переменные (среди которых стаж работы, наличие подчиненных, наличие второй работы, занятие и наличие неплатежей по заработной плате), но оставив такие экзогенные, как пол, возраст, образование, пенсионный статус, брачный статус, город/село, столица/не столица. Это не изменило ни знак, ни значимость, ни величину коэффициентов при переменных безработицы (в целях экономии места мы не приводим подробные результаты этих оценок).

В качестве альтернативного теста на робастность мы оценивали наши регрессии отдельно по подгруппам работников с разным уровнем защищенности рабочего места. Логично ожидать, что безработица в меньшей степени влияет на страх потерять ра-

боту у работников, занимающих более защищенные рабочие места. При этом общий средний эффект может оказаться статистически незначим. Мы выделили подгруппы работников по двум критериям – форма собственности (государственная/негосударственная) и размер предприятия (менее 50 человек/более 500 человек), а также рассматривали пересечение этих подгрупп. Мы предполагаем, что рабочие места в меньшей степени защищены на малых частных предприятиях, чем на крупных государственных предприятиях. Оценки, представленные в табл. П8 и П9, показывают, что почти во всех спецификациях оценки влияния безработицы на страхи остаются незначимыми и близки оценкам, полученным для полной выборки. Эти результаты кажутся неожиданными и указывают на наличие сортировки работников.

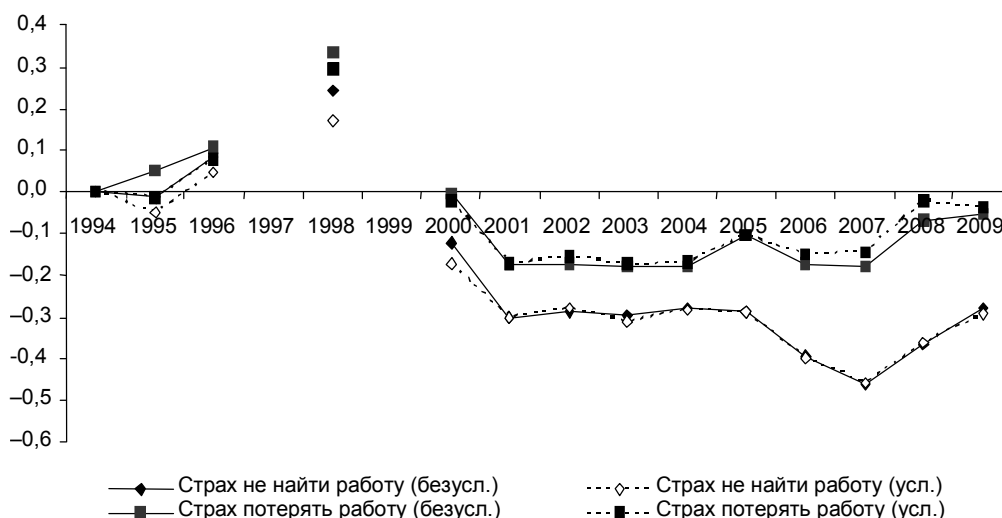
Устойчивость результатов во времени также свидетельствует об их робастности. Поскольку мы рассматриваем длительный период (с 1994 по 2009 гг.), включающий в себя кризисные 1990-е годы, период экономического роста 2000–2007 гг. и кризис 2008–2009 гг., то следует ожидать, что влияние фактической безработицы на страх безработицы могло существенно меняться во времени. Вполне возможно, что за незначимым влиянием безработицы на пуле из нескольких лет скрывается значимое влияние в какие-либо отдельные годы. Если это так, то должно проявляться в базовых кросс-секционных регрессиях. В табл. П10 приведены соответствующие оценки коэффициентов при показателях безработицы. Для удобства сопоставления мы также приводим оценки коэффициентов, полученные ранее на подвыборках 1994–1998 и 2000–2009 гг. В любой год из пула 1994–1998 гг. влияние безработицы как на страх потерять работу, так и на страх не найти работу в случае ее потери было незначимым и соответствующим оценкам, полученным на всем пуле. В период 2000–2009 гг. влияние региональной безработицы на страх потерять работу было незначимым в 7 из 10 рассматриваемых лет (значимым в 2003, 2005 и 2006 гг.), влияние специфической безработицы – в 9 из 10 лет (значимым в 2003 г.), а влияние специфической незанятости – в 6 из 10 лет (кроме 2002–2005 гг.). Практически тот же результат можно наблюдать для страха не найти работу. Все это свидетельствует о том, что наши оценки, полученные на пуле, вполне адекватно отражают ситуацию, имевшую место в отдельные годы.

5.4. Динамика страхов

В наших уравнениях есть еще один важный параметр, стабильно сохраняющий высокую значимость. Это фиксированный временной эффект (τ), очищенный от влияния индивидуальных характеристик, характеристик рабочих мест и показателей безработицы. Его можно интерпретировать как индикатор социальной атмосферы в обществе в соответствующем году, элементом которой является ощущение социальной защищенности, надежности и предсказуемости. Если фактическую безработицу можно условно сравнить с грозой (которая может быть сильнее или слабее), то эффект года отражает ожидание грозы и ощущение предгрозовой ситуации в общественном сознании в этом году. Понятно, что не всякое ожидание заканчивается тем, что ожидаешь. Оно может формироваться под воздействием как научных прогнозов, так и совершенно ошибочной информации (сознательно или несознательно распространяемой – иной вопрос!).

На рис. 4 представлены изменения как средних значений показателей страхов (они показаны пунктирными линиями), так и чистых эффектов времени (непрерывные линии) на протяжении всего периода 1994–2009 гг. Можно отметить, что пико-

вые значения страхов пришлось на кризисный 1998 г., страхи ослабли к 2001 г., но в последующий период их значения оставались примерно на одном и том же уровне. Интересно, что 2002 г. – первый год действия нового Трудового кодекса – ничем не примечателен на фоне соседних лет. Это подтверждает отсутствие значимых институциональных изменений, связанных с данным законом. С 2001 по 2007 гг. показатели страха не найти работу оставались примерно стабильными, демонстрируя лишь незначительные колебания. Страхи, связанные с поиском работы, не менялись в 2001–2005 гг., но становились еще слабее в 2006–2007 гг. Определенная смена картины произошла в 2008 г. на фоне нового экономического кризиса. Показатели годовых эффектов как прокси-переменные для социальной стабильности подскочили вверх, сигнализируя о ожидании населением приближающейся сильной «грозы». Отметим, что именно ожидание, поскольку сама «гроза» (в виде катастрофической безработицы) в целом прошла мимо, задев лишь краем и несколько позже. Сбор данных РМЭЗ происходит в основном в октябре и ноябре, а основной прирост безработицы был зафиксирован статистикой лишь в начале 2009 г. В ноябре же уровень безработицы оставался на весьма умеренном уровне в 7%. Это соответствовало ситуации примерно 2004–2005 годов, считавшихся весьма спокойными и стабильными. Однако такая импульсивная реакция показателей страха на пока не случившуюся безработицу говорит о том, что люди не доверяют действующим институтам социальной защиты и слабо верят в то, что помощь государства в такой ситуации окажется действенной. Эффект 2009 г. – второго года экономического кризиса – проявился в росте опасений не найти новую работу (этот эффект вернулся к значениям вполне благополучных 2001–2005 гг.), но не в усилении опасений за потерю имеющейся.



Примечание: безусловная динамика получена на основе оценивания уравнения (1), содержащего только годовые дамми-переменные, для всего периода 1994–2009 гг.; условная динамика субъективных представлений строится на основе годовых дамми-переменных из оценки полной спецификации уравнения (1) для всего периода 1994–2009 гг.

Рис. 4. Условная и безусловная динамика субъективных представлений о защищенности рабочих мест, 1994–2009 гг.

Условная динамика страхов – изменения показателей, рассчитанные с контролем возможных изменений в объясняющих переменных уравнения (1) – практически полностью соответствует безусловной динамике страхов. Рост образованности рабочей силы и изменения в ее половозрастной структуре, изменения в структуре рабочих мест – увеличение занятости в негосударственном секторе экономики и на малых предприятиях – практически никак не влияли на изменения в ощущении страха безработицы. Это также указывает на то, что страх безработицы практически не реагировал на объективные изменения, происходившие в течение рассматриваемого периода.

6. Эффект безработицы: масштаб влияния

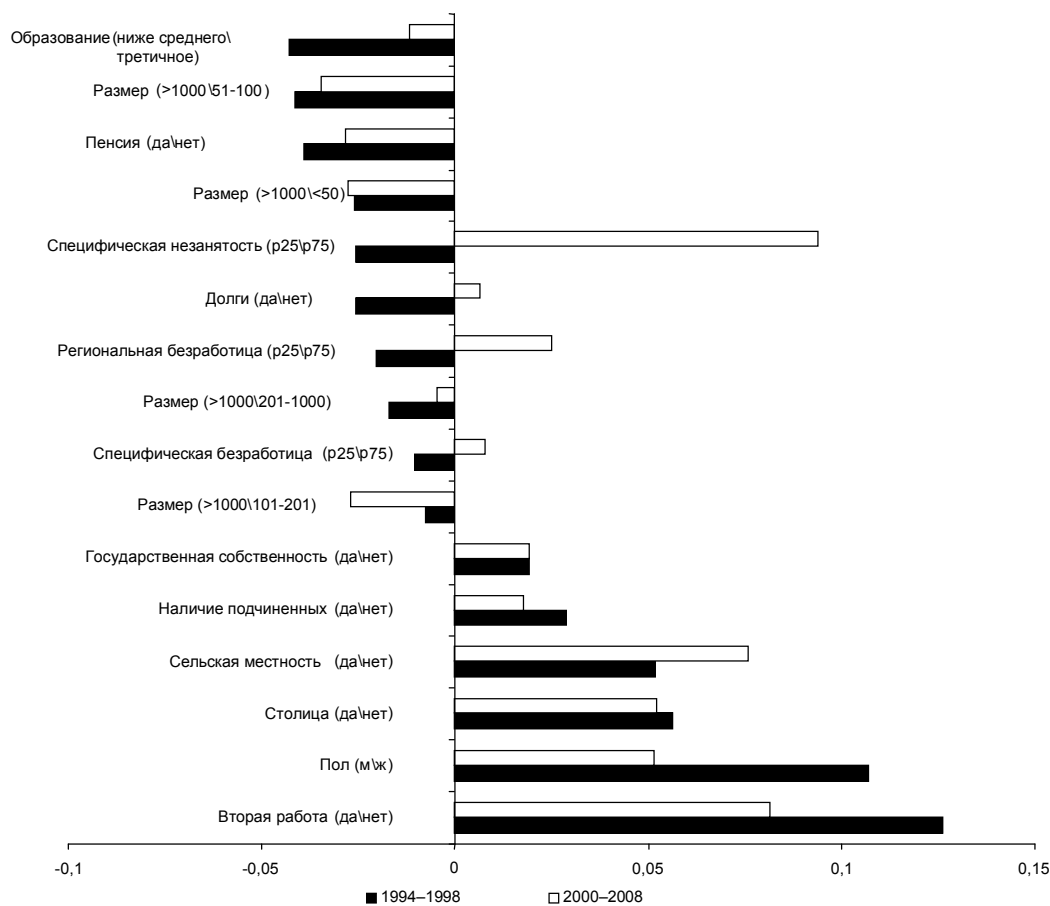
Итак, все полученные нами эконометрические оценки говорят о том, что уровень безработицы как фактор, потенциально генерирующий страх безработицы, в лучшем случае статистически слабо значим. В то же время, учитывая особенности порядковой пробит-модели, мы не можем прямолинейно интерпретировать коэффициенты регрессии в терминах эластичностей. Чтобы оценить не статистический, а практический масштаб влияния безработицы и других переменных на показатели страха, мы рассчитываем условные вероятности выбора респондентами значений шкалы, соответствующих разным уровням страха. Мы варьируем значения независимой переменной, эффект влияния которой на страх хотим оценить, при этом фиксируя значения всех других независимых переменных на уровне средних по выборке. Такая процедура обеспечивает соблюдение методологического принципа «при прочих равных».

Поскольку межгрупповая и межвременная вариации в выборе позиции **4** достаточно слабы, мы фокусируем наш анализ на выборе крайнего значения **5** – более чувствительного к изменению внешних факторов. Рассчитанные разницы в средних условных вероятностях попадания в пятую группу для всех переменных представлены в графическом виде на рис. 5–6.

Предположим, что уровень безработицы одномоментно подскочил от значения, равного 25-му перцентилю в распределении, до значения 75-го перцентиля, а все остальные характеристики работников и рабочих мест зафиксированы на одном уровне. Сразу отметим, что это очень чувствительное – просто шоковое – изменение ситуации на рынке труда. В первом подпериоде такой воображаемый скачок был бы равносильным условному «переносу» наших респондентов с рынка труда с уровнем (специфической) безработицы в 6,6% в рынок с уровнем в 14,1%, т.е. увеличение безработицы более чем вдвое! Как показывает рис. 5, в этом случае вероятность попадания в группу с максимальным страхом потери работы почти не изменилась бы (она снизилась на 0,01). Другими словами, реакция на внешнюю объективную ситуацию была не просто очень слабой; она была обратной. По-видимому, это может объясняться тем, что в 1990-е годы россияне впервые в своей личной истории столкнулись с проблемой безработицы, про которую мало что знали и имели ограниченный опыт ее переживания, а потому только начинали ее для себя практически осваивать. Рост безработицы в стране в ходе реформ сопровождался непрерывным социальным обучением населения, которое отчасти демпфировало и рационализировало восприятие текущей экономической действительности.

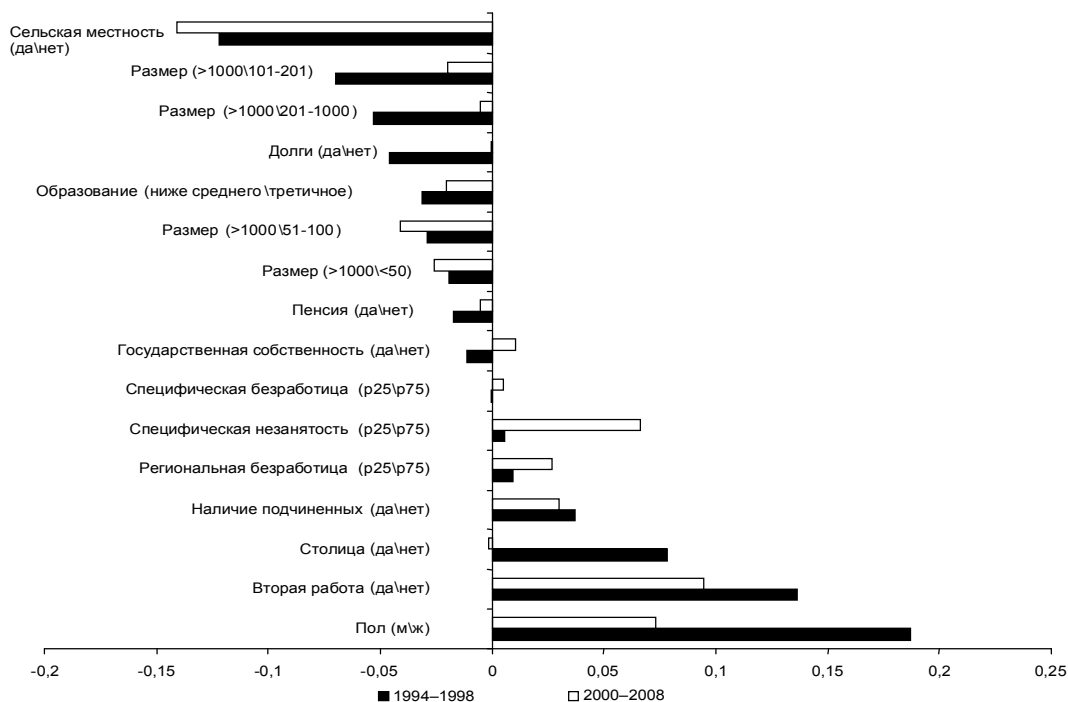
Во втором подпериоде эффект изменения специфически групповой безработицы на страх потери работы наконец приобрел «правильный» знак, но по величине

оставался крайне слабым. В это время в России безработица повсеместно снижалась, но уменьшение ее уровня с 14,1 до 4,3% вызвало бы снижение условной вероятности субъективной реакции лишь на незначительные 0,08 п.п. (с 26,2 до 25,4%).



Примечание: первая категория в скобках представляет базовую группу, вторая категория – группу, которая сравнивается с базовой. Например, вторая работа (да/нет) означает, что сравнивается средняя вероятность попасть в группу 5 по страху тех, у кого нет второй работы, и тех, у кого вторая работа есть. Положительная разница для этого случая говорит о том, что отсутствие второй работы увеличивает вероятность попасть в группу 5.

Рис. 5. Страх потерять работу: масштаб влияния различных факторов на вероятность попасть в группу 5 (максимальный уровень страха)



Примечание: первая категория в скобках представляет базовую группу, вторая категория – группу, которая сравнивается с базовой. Например, вторая работа (да/нет) означает, что сравнивается средняя вероятность попасть в группу 5 по страху тех, у кого нет второй работы, и тех, у кого вторая работа есть. Положительная разница для этого случая говорит о том, что отсутствие второй работы увеличивает вероятность попасть в группу 5.

Рис. 6. Страх не найти работу: влияние различных факторов на вероятность попасть в группу 5 (максимальный уровень страха)

А как обстояло дело с реакцией показателя страха не найти равноценную работу? Она также была крайне вялой. В первом подпериоде рассматриваемое увеличение региональной безработицы с 7,9 до 11,5% повысило бы вероятность максимального страха с 36,6 до 37,5%, т.е. менее чем на 1 п.п. Однако изменение специфической безработицы (с 6,6 до 14,1%) вообще не влияло на интересующую нас переменную, а изменение специфической незанятости (с 24,9 до 68,4%) повышало вероятность страха всего на 0,5 п.п. Во втором подпериоде анализируемая реакция стала несколько более выраженной, хотя и оставалась весьма слабой. Так, почти удвоение региональной безработицы отзывалось увеличением вероятности страха на 2,7 п.п. (с 19,2 до 21,9%). Реакция же специфической безработицы была заметно слабее: увеличению безработицы с 4,3 до 13,2% соответствовал рост вероятности на 0,5 п.п. Правда, утроение специфической незанятости (с 26,9 до 75,7%) ассоциировалось с ростом вероятности на 6,8 п.п. Отметим, однако, что все симулируемые изменения в условиях функционирования рынка труда без преувеличения являются шоковыми, драматическими по величине. Это дополнительно иллюстрирует тот факт, что реакции показателей

страха на изменения в безработице практически остаются слабыми, даже если они и статистически значимы²⁵.

7. Заключение

Любой страх сковывает разум и не способствует поиску оптимальных решений. Когда Ф. Рузвельт в своей известной инаугурационной речи говорил о том, что «больше всего мы должны бояться страха», он, возможно, имел в виду именно это. Чрезмерный страх безработицы не является исключением; при определенных условиях он парализует и рядовых граждан, и политиков, мешая рациональным поискам эффективных способов борьбы с той же самой безработицей. Многочисленные исследования, проводившиеся в разных странах, свидетельствуют о том, что страх безработицы оказывает значительное воздействие на людей: и на их фактическое поведение, и на психологическое состояние. Это сказывается на заработной плате, потреблении и сбережениях, здоровье, отношениях в семье и электоральных намерениях.

Используя данные массовых обследований российских домохозяйств (РМЭЗ) за 1994–2008 гг., мы фиксируем у наших сограждан сильно выраженные страхи потерять работу и при этом не найти новую сопоставимого качества. Это говорит о том, что россияне крайне низко оценивают как фактический уровень своей социальной защищенности (несмотря на высокий формальный уровень защищенности, закрепленный в Трудовом кодексе), так и свою конкурентоспособность на рынке труда. Значения уровня таких страхов намного выше, чем в странах-членах ОЭСР, и в целом соответствуют тем, что наблюдаются в странах Латинской Америки, где, как правило, полностью отсутствует институциональная система защиты от безработицы в ее привычном для нас – европейском – виде.

От чего зависит сила страхов? Мы анализируем потенциальное влияние четырех групп переменных: 1) индивидуальных характеристик работников; 2) характеристик рабочих мест; 3) состояния рынка труда и 4) эффектов времени (года измерения). Более образованные и молодые, мужчины, горожане и особенно жители столиц – при прочих равных – чувствуют себя лучше защищенными. Наличие альтернативного дохода в виде заработка на второй работе или пенсионного дохода выступают дополнительной защитой. Эти эффекты ожидаемы, тогда как эффекты со стороны рабочих мест менее очевидны. С увеличением размера предприятия ощущение защищенности снижается, хотя, как известно, на малых предприятиях занятость намного гибче и социально защищена слабее. Влияние государственного сектора неоднозначно, но и там, где он ассоциируется с большей защищенностью, соответствующий количественный эффект оказывается очень слабым. Мы не можем исключить здесь действие неслучайного сортинга, соединяющего более «пугливых» работников и более защищенные рабочие места, хотя и не имеем строгого подтверждения этой гипотезы. Но если такой сортинг действительно имеет место, то наблюдаемый уровень страха оказывается даже ниже того, что мог бы быть при его отсутствии.

А каков же эффект фактического состояния рынка труда? Казалось бы, субъективная реакция населения должна отражать движение показателей безработицы. Тесная связь между ними, как правило, наблюдается в странах ОЭСР, но в России

²⁵ В работе [35, с. 452] при увеличении уровня региональной безработицы вдвое (с 6 до 12%) в 1995–1998 гг. условная вероятность выбора позиций со страхом (4 + 5) возросла всего на 2 п.п. (с 0,60 до 0,62), а в 2000–2004 гг. – на 5 п.п. (с 0,55 до 0,60).

она практически отсутствует. Симуляция контрастных перепадов в уровнях безработицы не показывает ни заметного роста страха (когда безработица растет), ни его снижения (когда она падает). Даже если статистический вклад безработицы значим, практический остается ничтожным. Этот результат оказывается очень робастным и не зависит ни от используемой эконометрической модели, ни от тестируемой спецификации, ни от показателя безработицы.

Зависимость страха от индивидуальных характеристик и независимость от фактической ситуации на рынке труда предопределяют инерцию его значений во времени. Мы видим, что в 2001–2007 гг. на фоне сокращения безработицы в два раза и отсутствия увольнений по экономическим причинам страх оставался стабильно высоким. Вероятность самого высокого уровня страха потерять работу, «очищенная» от влияния индивидуальных характеристик, характеристик рабочих мест и показателей безработицы, составляла 25–30%, а вероятность выбора одной из двух позиций сильного страха – 52–55%. Приближение же «грозы» 2008–2009 гг. увеличило долю респондентов, выбирающих эти позиции, примерно на 4–4,5 п.п. Однако это был, по-видимому, преимущественно эффект нагнетания страхов политиками и в средствах массовой информации.

К концу рассматриваемого периода жалобы работодателей на дефицит рабочей силы широко распространились, но «очищенные» от влияния прочих факторов вероятности страха не найти новую сопоставимую работу не опускались ниже 40% в более широком определении и ниже 17% в узком. Возможно, что этот страх косвенно отражал непрекращавшийся процесс ухудшения структуры рабочих мест, сопровождавшийся ростом неформальной занятости.

Очень высокий фоновый уровень и устойчивость страха безработицы во времени имеют важные политико-экономические следствия. Модернизация экономики невозможна без глубокой модернизации всей системы институтов, включая институты рынка труда. Последние должны способствовать более эффективному использованию трудового потенциала, но это связано с ослаблением барьеров для трудовой мобильности. Устойчиво высокий уровень страха означает, что такого рода реформы могут вызвать дополнительное сопротивление людей. Отсюда также следует, что сохраняется (и, по-видимому, какое-то время будет сохраняться) сильное социальное и политическое давление в пользу более жесткого регулирования рынка труда (т.е. отказа от его реформирования). Если безработица не влияет на субъективные представления людей об их защищенности, то снижение безработицы само по себе не может открыть политическое окно для реформирования институтов рынка труда. Политики, интуитивно чувствуя повышенную озабоченность людей, замораживают назревшие экономические реформы, если такие реформы сопровождаются дополнительной волатильностью на рынке труда. Тем самым страх безработицы населения становится страхом политиков и стимулирует власти к дальнейшим популистским решениям. Это грозит лишь сокращением числа формально защищенных рабочих мест, в свою очередь еще более усиливающим страх. Тем самым мы оказываемся в порочном круге, из которого нелегко вырваться.

Российские власти, блокируя в ходе кризиса 2008–2009 гг. административными методами массовые увольнения и оказывая финансовую поддержку крупным предприятиям-банкротам, понимали возможные политические риски, связанные с ростом безработицы. Будучи не в состоянии предложить работникам «exit» (в виде рабочих мест), власти были озабочены предупреждением распространения «voice» (как массовых протестов). Другое дело, что предпринимавшиеся меры могли дать какой-то ре-

зультат лишь в краткосрочном периоде, а общий набор «вертикально-реализуемых» мер очень ограничен. Они не могли и не могут предотвратить дальнейшее вымывание рабочих мест, а вместе с тем и объективное нарастание незащищенности и подверженности работников рискам рынка труда.

Учитывая выводы из проведенного исследования, какие политические рекомендации мы можем предложить?

Во-первых, не следует лишним раз провоцировать у людей страхи, поскольку в нашем обществе степень алармизма и так беспрецедентно высока. А чем она выше, тем сложнее апеллировать к рациональным аргументам и агитировать в поддержку давно назревших реформ. Отметим, однако, что каждый экономический кризис в нашей стране на протяжении последних 20 лет кризисов сопровождался безудержным нагнетанием тревожности по поводу роста безработицы.

Во-вторых, ключевым направлением политики должно быть системное улучшение предпринимательского климата, ведущее к созданию рабочих мест. Ведь только изобилие последних может на деле убедить людей в том, что потеря работы не равносильна концу света, а открывает перед ними новые и, возможно, весьма многообещающие профессиональные перспективы. Это и есть социальная защита на деле, а не на бумаге.

* *

*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вишневская Н., Гимпельсон В., Капелюшников Р.* Трудовое законодательство: анализ межрегиональных различий в практике правоприменения // *Правоприменение: теория и практика* / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Формула права, 2008. С. 103–148.
2. *Вишневская Н., Капелюшников Р.* Инфорсмент трудового законодательства в России: динамика, охват, региональная дифференциация: препринт WP3/2007/02. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
3. *Гимпельсон В., Капелюшников Р.* Применение трудового законодательства: роль судебной системы // *Вестник общественного мнения. Левада-Центр.* 2008. № 2. С. 16–29.
4. *Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А.* Спрос на труд и квалификацию в промышленности: между дефицитом и избытком // *Экономический журнал ВШЭ.* 2007. Т. 11. № 2. С. 163–199.
5. *Гимпельсон В., Капелюшников Р., Ратникова Т.* Страх безработицы и гибкость заработной платы в России // *Экономический журнал ВШЭ.* 2003. Т. 7. № 3. С. 341–370.
6. *Гимпельсон В., Монусова Г.* Страх безработицы и поведение работников на рынке труда: опыт межстрановых сопоставлений: препринт WP3/2009/04. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.
7. *Заработная плата в России: эволюция и дифференциация* / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
8. *Капелюшников Р.* Конец российской модели рынка труда? М.: Либеральная миссия, 2009.
9. *Мальцева И.* Трудовая мобильность и стабильность: насколько высока отдача от специфического человеческого капитала в России? // *Экономический журнал ВШЭ.* 2009. Т. 13. № 2. С. 243–278.
10. *Монтень М.* Опыты. М.: Наука, 1979.

11. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшников. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
12. Формы собственности в России: различия в заработной плате / Гимпельсон В., Капелюшников Р., Лукьянова А. и др. // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. Т. 5. № 5. С. 47–71.
13. *Aaronson D., Sullivan D.* The Decline of Job Security in the 1990s: Displacement, Anxiety, and Their Effect on Wage Growth // *Economic Perspectives*. 1998. Vol. 1998. № Q1. P. 17–43.
14. An Analysis of Subjective Views of Job Insecurity / Green F., Dickerson A., Carruth A. et al. Department of Economics Discussion Paper 01/08/ Canterbury: University of Kent, 2001.
15. *Anderson Ch., Pontusson J.* Workers, Worries and Welfare States: Social Protection and Job Insecurity in 15 OECD Countries // *European Journal of Political Research*. 2007. № 46. P. 211–235.
16. *Arulapalam W.* Is Unemployment Really Scarring? Effects of Unemployment Experiences on Wages // *Economic Journal*. 2000. Vol. 111. № 475. P. 585–606.
17. *Bender K., Sloane P.* Trade Union Membership, Tenure and the Level of Job Insecurity // *Applied Economics*. 1999. Vol. 31. № 1. P. 123–135.
18. *Benito A.* Does Job Insecurity Affect Household Consumption? // *Oxford Economic Papers*. 2006. Vol. 58. № 1. P. 157–181.
19. *Blanchflower D.* Fear, Unemployment and Pay Flexibility // *Economic Journal*. 1991. Vol. 101. № 406. P. 483–496.
20. *Blanchflower D., Shadforth C.* Fear, Unemployment and Migration: NBER Working Paper № 13506. 2007.
21. *Bryson A., Cappellari L., Lucifora C.* Workers' Perceptions of Job Insecurity: Do Job Security Guarantees Work? // *Labour*. 2009. Vol. 23. № S1 (Special Issue). P. 177–196.
22. *Burchell B.* The Effects of Labour Market Position, Job Insecurity and Unemployment on Psychological Health // Gallie D., Marsh C., Vogler C. (eds.) *Social Change and the Experience of Unemployment*. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 188–212.
23. *Burgard S., Brand J., House J.* Perceived Job Insecurity and Worker Health in the United States // *Social Science and Medicine*. 2009. Vol. 69. № 5. P. 655–802.
24. *Clark A., Postel-Vinay F.* Job Security and Job Protection // *Oxford Economic Papers*. 2009. Vol. 61. № 2. P. 207–239.
25. *Dominitz L., Manski C.* Perceptions of Economic Insecurity: Evidence from the Survey of Economic Expectations: NBER Working Papers № 5690. 1996.
26. Fear: Its Political Uses and Abuses // *Social Research*. Vol. 71. № 4.
27. *Fullerton A., Wallace M.* Traversing the Flexible Turn: US Workers' Perceptions of Job Security, 1977–2002 // *Social Science Research*. 2007. Vol. 36. № 1. P. 201–221.
28. *Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Lukiyanova A.* Employment Protection Legislation in Russia: Regional Enforcement and Labour Market Outcomes: IZA DP № 4484. 2009.
29. *Gore A.* The Politics of Fear // *Social Research*. 2004. Vol. 71. № 4. P. 779–798.
30. *Graham C.* Public Attitudes Matter: A Conceptual Frame for Accounting for Political Economy in Safety Nets and Social Assistance Policies: The World Bank SPDP Series № 0233. 2002.
31. *Green F., Felstead A., Burchell B.* Job Insecurity and the Difficulty of Regaining Employment: An Empirical Study of Unemployment Expectations // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2000. Vol. 62. № 0. P. 855–883.
32. Job Insecurity and Wages / Campbell D., Carruth A., Dickerson A. et al. // *The Economic Journal*. 2007. Vol. 117. № 518. P. 544–566.
33. *Knabe A., Raetzl S.* Scarring or Scaring? The Psychological Impact of Past Unemployment and Future Unemployment Risk // *Economica*. 2011. Vol. 78. № 310. P. 283–293.
34. *Krueger A., Schkade D.* Sorting in the Labor Market. Do Gregarious Workers Flock to Interactive Jobs? // *The Journal of Human Resources*. 2008. Vol. 43. № 4. P. 859–883.

